

ЭКОФИЛОСОФСКАЯ КАРТИНА МИРА В ИСТОРИКО-ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОМ ОСВОЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ECOPHILOSOPHICAL PICTURE OF THE WORLD IN THE HISTORICAL AND PERSONOLOGICAL DEVELOPMENT OF CULTURAL HERITAGE

Э. В. Баркова

E. Barkova

*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
г.Москва, Россия
barkova3000@yandex.ru*

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Показана перспективность включения в процесс развития экофилософской картины мира недостаточно используемых в современных исследованиях методов социально-гуманитарных наук. Осуществленная в статье рефлексия исторической персонологии и связанных с ней установок герменевтики и концепции личностного знания М.Полани в их методологическом измерении, открывает потенциал переосмыслиения взаимосвязей истории и теории экофилософии; возможности новой антологии экофилософии, построенной на основе экорациональных принципов отбора и переоценки фактов биографий и личных достижений субъектов – представителей всех народов Земли. В чувственно-рациональном освоении многомерности культурного наследия в свете такой модели экофилософии получают развитие эко-антропологические, эко-культурные и традиционно-экологические смыслы и функции, освоение которых востребовано в жизнестороняющих целеполагающих стратегиях сохранения и совершенствования планетарного бытия на Земле.

The author shows the prospects of inclusion in the development of the ecophilosophical worldview, that are insufficiently used methods of social and humanitarian Sciences. The reflection of historical personology and related hermeneutics and the concept of personal knowledge of M. Polani in their methodological dimension, realized in the article, open up potential for rethinking of the relationship of history and the theory of ecophilosophy; possibilities of a new anthology of ecophilosophy based on ecorational principles of selection and re-evaluation of facts of biographies and personal achievements of subjects-representatives of all nations of Earth. In the sense-rational development of the multidimensional nature of cultural heritage in the light of this model of ecophilosophy, eco-anthropological, eco-cultural and traditionally-ecological meanings and functions are developed, which development is in demand in life-preserving goal-setting strategies for the preservation and improvement of planetary existence on Earth.

Ключевые слова: экофилософия, методология, субъект, история экофилософии, экорациональность, целостность, историческая персонология, культурное наследие.

Keywords: ecophilosophy, methodology, subject, history of ecophilosophy, ecorationality, wholeness, historical personology, cultural heritage.

<https://doi.org/10.46646/SAKH-2020-1-7-10>

Стремительное освоение планетарных масштабов человеческой деятельности в XXI веке открыло перспективы исследования новых научных парадигм, концептуальных моделей и проектов, раскрывающих «координаты» современных форм присутствия человека в мире. Однако, в отличие от теорий глобализации, коммуникативистики, постмодернизма, концепций информационного или постиндустриального общества, ставших в современной науке зеркалами общих тенденций и характерных черт настоящего, экофилософия исследует мир как целое с жизнестороняющими позициями будущего человека, культуры и природы. Экофилософская картина мира поэтому, уже по определению «одомашнивая» все природно-культурное пространство Земли, не ограничена абстрактно-рациональным анализом современного мировидения и его категориального состава: ее содержание включает и аксиологическое измерение, выражающее ценностно-этическое отношение, направленное на защиту Земли со всем ее не только био-, но культуро-разнообразием. Именно в этом ключе в логике не мир-системного подхода, а исходя из принципа открытой саморазвивающейся целостности сегодня наряду с традиционными концепциями общества и природы активно развиваются все направления и разделы экофилософского знания – экология человека, культуры, философия экологического образования, экокоммуникаций и т.д. Очевидно, что экофилософская картина мира выступает при этом метауровнем, выполняющим регулятивную и ценностно-ориентационную функции, формируя объяснительный потенциал для всех эко-ориентированных общетеоретических, междисциплинарных и прикладных исследований. Их единная ключевая задача – формирование такого типа мировоззрения, при котором сохраняется понимание и рефлексия органической целостности всех форм бытия – космоса, природы, культуры, общества и человека, и в этом контексте дается обоснование человечества, его истории, природы и достижений как звена универсальной эволюции Вселенной.

Но именно эта идея в значительной мере снята в современной науке, понимающей человека как нечто ино-родное по отношению к этой целостности. Следствием информационно-детерминистского мышления стали многочисленные исследования и проекты, однозначно и без необходимых и достаточных аргументов утверждающие, что в ближайшем будущем роботы «станут нашими эволюционными наследниками, нашими «детьми разума», построенными по нашему образу и подобию, но в более мощной и эффективной форме» [1. С138]. На этой основе строятся и иллюзорные схемы, трактующие человеческий образ как божества внутри механизма, что «может быть и хорошо для людей. Роботы будут настолько умны, что поймут, что должны сохранить природу и что человек – часть природы». [Там же].

Такой логике, критически ее оценивая, экофилософия, исходя из всего опыта исторического развития культуры, противопоставляет целостную научно-обоснованную картину мира, текст и контекст которой доказывает неправомерность и предельно рискованный характер такого типа мышления. В этой теоретической работе используются как традиционные методы анализа и синтеза, абстрагирования, индуктивные и дедуктивные схемы, так и более новые инструменты моделирования, программирования, визуализации. Нельзя, однако, не заметить, что процессы активного включения в эту работу ряда новых инструментов познания, не сопровождаются использованием и апробацией *сложившихся в системах социально-гуманитарного знания* не менее перспективных форм, *открывающих новые стороны методологического потенциала экофилософской картины мира*. Одним из таких методов является, с нашей точки зрения, *историческая персонология*.

Историческая персонология – получившая развитие в мировой науке с начала XX века область гуманитарного знания и одновременно метод системного и целенаправленного обращения к биографиям основоположников новых направлений в культуре: крупных ученых, художников, общественных или политических деятелей, при котором в направлениях их поисков, связях, содержании идеалов и ценностей открываются перспективные для современной науки смыслы и ориентиры. Анализ эмоциональных моментов жизнестворчества крупных ученых, включая переживания ими научных проблем, векторов интеллектуального напряжения, вехи пути к цели, моменты открытий в отличие от обычных биографий – все это в исторической персонологии рассматривается как *форма задания мировоззренческих и методологических установок, важных в каких-то отношениях в перспективе современных исследований*. На основе этого подхода раскрывается непосредственная связь духовного опыта личности, ее ценностно-культурных позиций с такими категориями экофилософии, как жизнь, гармония, человек, культура, природа, космос, совершенство, общество, счастье, благоговение перед жизнью, здоровье, что выступает формой включения *субъектов в концептуальное пространство экофилософской, экологической и общей гуманитарной культуры в их единстве*.

Как метод, историческая персонология разработана и использована У. Томасом и Ф. Знанецким – известными представителями Чикагской социологической школы, которые обратились к биографиям ученых для раскрытия логики их исследований и направленности творческих поисков. С этим методом в известной степени коррелирует и концепция личностного знания, или эпистемология неявного знания М. Полани, показавшего, что всякий опыт элиминировать человеческую перспективу из философской картины мира ведет не к объективности, а к абсурду. [2]. Ставший особым видом современного социально-гуманитарного познания и развитый в трудах М. Бахтина, П. Фейерабенда, Т. Куна и других исследователей, этот подход в науках о культуре получил статус методологии, позволив ученым выявлять в истоках познавательной деятельности и ориентирах ученых теоретически значимые новые повороты мысли. Экофилософское обращение к биографиям-экологов раскрыло их трактовку понятий, потенциал связей в структурах биогеокультурогенеза, ценность Земли и жизни человека, бесценность био- и культурообразования.

Особо отмечу опыт плодотворной работы с исторической персонологией в России, где элементы этого подхода, использованные в разработке человековедческой концепции выдающегося психолога Б.Г. Ананьева, были теоретически развернуты в фундаментальных исследованиях историко-культурологической концепции С.Н. Иконниковой [3]. С.Н. Иконникова, критически оценивая методологию «чего не понял Фейербах», исходит из стремления, «чтобы слушатели не просто запомнили те или иные концепции, подходы, идеи, но стали «близкими знакомыми», чувствуя пульс жизненной энергии ученого...вникая в драматизм событий эпохи и личной жизни». [3. С.7].

Экофилософская «оптика» в процессе работы с историко-культурным материалом, по-видимому, дает возможность открыть и по-новому оценить те представления, понятия, образы, феномены, которые не попадали в прошлое в поле зрения исследователей, но сегодня оказываются востребованными для работы с анализом связей человека с природой и культурой Земли, изучением космизации человеческой деятельности, процессов биогеокультурогенеза, целостностью Жизни как космопланетарного явления, природой человека как ценностью современной экофилософии. [4]. Тогда как конкретно-исторический материал, рассматриваемый в логике экофилософии, включающий в себя не только научные, но и художественные тексты, биографии, автобиографии, дневники, письма, архивы, личные документы, записные книжки, фотографии, а иногда и портреты и эпиграммы, не только в свете экофилософии сам «зазвучит» по-новому, но и может стать основой конкретизации содержания экофилософских проблем, в обновленных ракурсах открывая смыслы, возможно, забытых фактов или переоценивая масштаб сделанного тем или иным мыслителем. Примером такого «факта» может стать биография и научные исследования великого русского мыслителя-космиста А. Сухово-Кобылина, хорошо известного лишь как автора «Свадьбы Кречинского».

Кроме того, вне ракурса общего экофилософско-теоретического контекста в осмыслении истории экофилософского наследия будет сохраняться простой суммативный подход, сводящий историю науки лишь к фиксации отдельных концепций разных авторов. Иначе говоря, без логической основы этой картины мира не возникает того целостно-конкретного *планетарно-концептуального культурного пространства*, в котором рождается новая антология экофилософии, открывая непосредственно непроявленные связи биографий, «линий» жизнедеятельности и творчества ученых, писателей и художников – представителей всех народов и континентов – с современными направлениями бытиесохраняющего научного развития и концепциями авторов, исследующих логику и тенденции такого развития.

Интересно, что историко-персонологический подход подтверждает *нелинейную логику развития поля экофилософии*. Многие идеи и образы, например, Пифагора, Платона, Данте, Н. Кузанского, Дж. Бруно,

Я.Х. Смэтса и холистов XX века, П. Кропоткина, А. Богданова, К. Циолковского, А. Чижевского, поэта-философа Н. Заболоцкого и многих других мыслителей прошлого оказываются в этом пространстве ближе к актуальному центру и ценностно-концептуальному ядру концептуального поля экофилософии, средоточию его проблем, чем многие хронологически более поздние идеи и концепции.

Сегодня, однако, в историко-экофилософских и историко-экологических представлениях преобладают суммативные или линейно-кумулятивные подходы, исходящие из хронологии и того, что более поздние концепции являются более развитыми, чем предшествующие уже в силу того, что перерабатывают их содержание на более высоком и конкретном уровне. В логике такого линейного следования, тем не менее, не раскрываются сами *основания такого «следования»*, т.е. условия, корректирующие движение от одной концепции к другой, что не позволяет на основе уже выявленного содержания осмысливать перспективы экофилософии и ее будущего, так как само это следование не завершено. Так, если не задано общее пространство, связывающее отдельные концепции и «части» наследия, например, идеи Ф. Бекона, А. Герцена, А. Сухово-Кобылина, В.И. Вернадского, А. Швейцера, А. Несса, О. Леопольда, Н. Моисеева, Э. Морена, Ф. Дескола, то и логика, и особенности их индивидуально-неповторимого творчества, безусловно, представляющие интерес для современной науки, оказываются недостаточно обоснованными и не проясненными.

Одновременно, вследствие этого, проясняется востребованность работы с *методологией холизма и его принципами* – органической целостностью, голограммой, антропным принципом, которые наиболее адекватно формируют методологически необходимый для развития экофилософской картины мира аппарат и возможности систематически-последовательной работы с историко-персоналистским подходом. И именно эта холистская установка показывает несводимость персонализма в исторических исследованиях к формам крайнего индивидуализма и отрыву частного от целостного, единичного от общего. Так, только работа в общем пространстве экофилософской картины мира дает возможность понять, скажем, не только ценность и общую направленность мысли южноафриканского философа Я.Х. Смэтса и его классического труда «Холизм и эволюция», но богатство смысла и перспективность работы с одной из его ключевых категорий – Дух Горы.

Другим элементом развития такой методологии, как и истории экофилософии, может стать опора на *герменевтику* – исследование смыслов текстов, коррелирующих с авторским замыслом, выявлением контекста эпохи, в которой рождались те или иные идеи, подходы и работы. Задачи герменевтики, как известно, также связаны с обеспечением понимания текста и контекста в их единстве на основе выявления смысла, в формирование которого в значительной мере входит биография автора и анализ условий его творческой жизни. Но в логике экофилософской картины мира поле герменевтики может быть значительно расширено, ибо в истории экофилософии это уже не просто определенный текст, который традиционно являлся предметом герменевтического анализа, но шире – само планетарное культурное ценностно-мировоззренческое пространство, которое развертывается через жизнедеятельность исследуемого мыслителя.

Именно на этой основе требует своего значительно более глубокого освоения богатейшее экофилософское наследие, включающее и фильмофонды, в т.ч. лучшие образцы документалистики и научно-популярного кино, многие книги серии ЖЗЛ, лучшие художественные исследования типа «Этой странной жизни» Д.Гранина, посвященной замечательному советскому экологу-виталисту А.А.Любичеву, или его же знаменитого «Зубра». Сюда же с полным правом отнесем имеющие эко-культурный, человекосохраняющий смысл, публицистические исследования, записи лучших театральных спектаклей, посвященных жизни и творчеству великих первооткрывателей научных проблем экологии и экофилософии. Герменевтический ракурс историко-персонологического подхода – и это подчеркнем особо – открывает не просто важный для науки материал биографии ученых, но *ориентирует на их сопреживание*, а потому на формирование ценностно-ориентационных установок на защиту и сохранение Земли, ее био- и культуроразнообразия и своей непосредственной причастности к этому. Поэтому следствием использования этого метода становится целостное *чувственно-рациональное освоение связи своей жизни с направлением поисков и жизненными ориентирами ученых*, биографии которых изучаются, в результате формируются установки на самоидентификацию с экофилософскими идеями и направлениями их открытий. [5].

Постижение, таким образом, целостного содержательно-ценостного пространства философско-экологической картины мира и чувственно-рациональное вживание в смысл отдельных самоценных биографий и фактов, свидетельствующих о том, как в истории происходило движение «части к целому» дает основание для анализа не исследованного пока сложного *континуума теории и истории экофилософии*. Между тем, именно он, обеспечивает *личностный уровень освоения экофилософии*, в котором объективные реалии и субъект-объектные отношения становятся предметом рефлексии и научных исследований. А поскольку в этом экофилософском континууме проявляется и сам планетарный

исторический процесс, то возникающий в процессе его освоения синтез индуктивного и дедуктивного подходов соединяет становление с уже достигнутым результатом, т.е. пространство и время.

В этом контексте открывается и ограниченность традиционного деятельностно-рационального подхода к анализу развития экофилософского знания, при котором развитие знания традиционно мыслится лишь как логика расширения общего. Живой конкретный ученый как личность в этом случае оказывается лишь транслятором информации, «передатчиком» общего. В этой традиции сохраняется, хотя и в измененном виде, господство классического типа рациональности, где истину определяет воздействие объекта на субъект: ученый же, как субъект познания, лишь фиксирует те или иные характеристики предмета. Восходящая к философии Р.Декарта логика, как известно, предполагает, что задачей субъекта является достижение истины – интуитивно воспринимаемого и переживаемого тождества между предметом и его образом и понятием.

Современный тип рационализма в его постнеклассическом варианте, где усиlena роль субъекта в определении характеристик предмета и условий его познания, все же остается в плена традиции все той же рациональности: основным способом и направлением познания по-прежнему является переработка объекта, которая проходит на основе методов, и в которую не включаются биографические характеристики исследователя. Таким образом, вместо «давления» объекта, который в XVII-XVIII вв. устанавливал границы исследования, в современной науке, включая цикл экологических наук, происходит «давление» форм и методов научно-исследовательской деятельности. Здесь по-прежнему сохраняется абстрактный уровень освоения общего, в котором исключаются чувственно-рациональные данные биографий, мало совместимые с набором традиционных исследовательских процедур. Поэтому, хотя в современной постнеклассической рациональности постулируются культурно-ценностные и мировоззренческие позиции субъекта, они, тем не менее, практически не проникают в содержание научных методов, сохраняя их лишь как некий «фон». Именно в свете этого открывается интегративная миссия экофилософской картины мира, на основе которой статус объективности научной деятельности оказывается представленным в органическом единстве с личностно-онтологическими проявлениями жизнетворчества субъекта. Это значит, что теперь он не просто связан с предметом исследования, находясь с ним в абстрактно-логическом соответствии, но включен в те конкретные культурно-природно-исторические условия, в которых находится и сам предмет исследования. И основанием их связи выступает не «чисто» рациональная позиция, снимающая роль субъекта, но именно его *существование с предметом в общем целостном историческом пространстве*, которое задано характеристиками и нормами экофилософской картины мира. В этом открывается необходимость работы с новым типом рациональности – экорациональностью, где субъект и объект включены в общее пространство жизни и в нем взаимодействуют. А потому и пути сближения методологии естественных, технических и гуманистических наук в логике экорациональности, как показывает опыт работы с исторической персонологией, задаются не на системно-технологической основе, а на основе открытой саморазвивающейся целостности, сохраняющей многомерность, глубину и чувственное богатство мира, которая моделируется по типу целостности, осваиваемой гуманистическими науками.

Вероятно, сегодня есть смысл под этим углом зрения, экофилософски обеспечивающим перспективы бытия Человека на Земле, пересмотреть и, возможно, переоценить историю культуры и науки. И поскольку экорациональность и тип разумной деятельности ставит ее в зависимость от сбалансированного сосуществования человека и его природно-культурного пространства, то необходимым аспектом экофилософского освоения бытия оказывается личностно-биографическое начало, в контексте которого осуществляется и исследовательская работа. Такой взгляд на экофилософскую картину мира в ее историко-культурном и персонологическом измерении, открывает потенциал обновленного пути освоения истории и теории экофилософии и восхождения ко многим личным достижениям представителей всех народов, которыми открывались идеи самоценности бытия человека, ценности Жизни на Земле, необходимости ее сохранения как уникального звена планетарного бытия, несущего в себе органичность связей с Универсумом. В то же время, историко-персонологический ракурс, введенный в контекст экофилософии, задавая новые аспекты связей личности, человечества и мира в целом как целого и части, конкретизирует интегративную, регулятивную, ценностно-ориентационную и прогностическую функции экофилософской картины мира, направленные на сохранение природы человека, его фантазий, интуиций, богатство интеллектуального и чувственного мира, понятых как ценность и перспектива Жизни на Земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. О'Коннелл, М. Искусственный интеллект и будущее человечества. – М.: Эксмо. 2019. – 272 с.
2. Полани, М. Личностное знание. – М. Изд-во: Книга по требованию, 2012. – 342 с.
3. Иконникова, С. Н. История культурологических теорий. – 2-е изд., переработанное и дополненное. – СПб.: Питер, 2005. – 474 с.
4. Баркова, Э. В. Экофилософия в поисках оснований теории природно-культурного наследия // Вестник Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. – 2013. – № 4 (8). – С. 3–8.
5. Баркова, Э. В. Гармонизация биогеокультуроценоза как основа развития экофилософской парадигмы эпохи четвертого технологического уклада // Сахаровские чтения 2019 года: экологические проблемы XXI века материалы 19-й международной научной конференции. В трех частях. Под общей редакцией: С. А. Маскевича, С. С. Позняка. – Минск: ИВЦ Минфина, 2019. – Ч. 1. – С. 7–10.